

Дятлов Александр Викторович

доктор социологических наук
профессор кафедры социологии,
политологии и права
Южного федерального университета
тел.: (863) 298-31-25

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ: УСЛОВИЯ САМОДОСТАТОЧНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация:

Данная статья посвящена проблеме самодостаточного развития России. В ней раскрываются новые ресурсы самообразования российского общества и то, что блокирует процесс конструктивных изменений, исследованы составляющие самодостаточного развития страны, дается социологический анализ российской элиты, т.к. самодостаточное развитие связано с национальной мыслящей элитой, сформированной в процессе развития, роста экономики и повышения инновационного потенциала общества.

Ключевые слова:

самодостаточное развитие, российская элита, пути развития России, инновационность.

Dyatlov Alexander Viktorovich

Doctor of Social Sciences,
Professor of Sociology,
Political Science and Law,
Southern Federal University
tel.: (863) 298-31-25

SOCIAL IMPLICATIONS: SELF-SUFFICIENCY CONDITIONS OF DEVELOPMENT

The summary:

This article is devoted to a self-sustaining development of Russia. It reveals new resources self Russian society and that blocks the process of structural change, investigated self-contained components of development, provides a sociological analysis of the Russian elite, as self-reliant development is linked to the national-minded elite, formed in the process of development, economic growth and improve the innovative capacity of society.

Keywords:

self-reliant development of the Russian elite, Russia's development, innovation.

Известный исследователь проблем постиндустриального общества В.Л. Иноземцев использует «самодостаточное развитие» исключительно для так называемых развитых государств, тем самым не допуская для России перспективной модели развития. Доводы сторонников основываются на том, что: а) экспансия экономических знаний; б) заключение западного мира в самом себе; в) становление новых социальных групп; г) плюрализм ценностей и возрастание досуговой, восстанавливающей сферы по сравнению с производственной – не достижимы в ближайший период (10–15 лет) для России. В результате реформ, инициированных «догоняющей модернизацией» и «глобализацией», мы утратили «самодостаточность развития». Как пишет академик Г.В. Осипов, «Россия – это единственная самодостаточная страна, одна из богатейших держав мира, занимает 10% территории Земли при населении 2,4% населения планеты. В России сосредоточено более 21% мировых запасов сырьевых ресурсов, в том числе 45% мировых запасов природного газа, 13% нефти, 23% угля. На одного жителя России приходится 0,9 га пахотной земли – на 80% больше, чем в Финляндии, на 30% больше, чем в США» [1, с. 21]. Справедливо также, что в России сосредоточена треть мирового научного потенциала и сохраняется высокий образовательный уровень нации, высококвалифицированная рабочая сила.

Однако экологически-сырьевой кризис, деградация научного и образовательного потенциала, устаревшая техническая база являются очевидными характеристиками развития современной российской экономики и общества. К тому же такое положение в социально-демографической (депопуляция населения), в социокультурной (падение уровня образования и культуры в молодых поколениях россиян) сферах заставляет серьезно задуматься о возможности самодостаточного развития, которое не может основываться на природном богатстве (Венесуэла, Конго, ЮАР нам в пример), возникают другие важные условия, среди которых можно назвать новейшие технологии, инновационность основных групп населения, национализацию социального общения, социальную респансивность экономики, культуру «консолидации», систему социальной безопасности. Сырьевые богатства России в какой-то степени являются препятствием на пути самодостаточности, когда указывают на ясность идей «перехода на возобновляемые ресурсы», стремление, не в последнюю очередь, уменьшить сырьевую зависимость и переориентировать свои освободившиеся ресурсы на развитие науки, культуры, образования. В чем проявляются самодостаточность, новые ресурсы самообразования российского общества и что блокирует процесс конструктивных изменений? Вероятно, то, что России показали «красную карточку» или общество «упустило», «прозевало» информационно-техническую революцию, не смогло стимулировать переход к так называемой модернизационной парадигме

развития. Мы отмечали, что догоняющая модернизация влечет одностороннее экономическое развитие, резкое социальное расслоение, утрату достигнутых мотиваций большинства населения. Подходя к проблеме самодостаточного развития с позиционирования модернизации, вестернизации, нетрудно заметить, что возникает экономика с квазирыночными институтами монополизма и «монополизацией прибыли», полуавторитарным или авторитарным политическим режимом и стагнационными традициями (П. Штомпка).

Характерно, что самодостаточное развитие представляется символом перехода от «модернити», индустриального общества к постиндустриальному, производству знания вместо производства товаров. «Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или средствах производства, а уже как непосредственная производительная сила, становится фактором современного хозяйства» [2, с. 37]. Скромно умалчивается, что постиндустриальные увеличения основываются на переносе «грязных» промышленных технологий в страны со слабым экономическим законодательством, коррумпированной властью и дешевой рабочей силой, а эксплуатация сырьевых ресурсов стран периферии микроразвитой системы принимает угрожающие для жизнедеятельности населения этих стран размеры. Известный американский исследователь Н. Хомский пишет о последствиях подхода «американских» ценностей:

1. Новые организации для всеобъемлющего американского вмешательства во внутренние дела других стран (защита интересов транснациональных структур как американских).
2. Захват центральных секторов зарубежной экономики корпорациями, базирующимися в США.
3. Выгоды для бизнеса и богачей.
4. Перенесение расходов на бедные слои населения.
5. Новое и потенциально более мощное оружие против угрозы со стороны демократии.[3, с. 109-110]

Есть основания думать, что так называемое самодостаточное развитие является идеологическим инструментом для легитимации так называемого «глобального» порядка, так как связано с механизмами «перекачки ресурсов» из стран периферии методами экономического, политического, а иногда и военного насилия (захват американцами богатого нефтью Ирака).

Отставание России в информационных технологиях и невозможность сырьевой «суверенности» подвигает к заключению, что западный вариант самодостаточного развития невозможен, учитывая, что, «несмотря на отмечающееся развитие Запада, потребительская цивилизация при забвении нравственных норм постепенно ведет планету к гибели. При этом все большая часть ресурсов общества актуализируется в посреднической сфере и уходит из материального производства» [4, с. 219].

Так как значительно истощились природные ресурсы и не за горами энергетический кризис (российские запасы угля и природного углерода нецелесообразны как средство увеличения ресурсной базы), основные надежды возлагаются на научный и профессиональный потенциалы. Оптимальная перспектива связывается с приходом энергичной, образованной элиты и инновационных слоев населения, способных оказать влияние, с переводом экономики на режим «социальной респонсивности».

В нашу задачу входит исследование всех составляющих самодостаточного развития страны, потому что пессимистические варианты предвещают нам экологическую, экономическую и социальную катастрофы, опираясь на экстраполяцию тенденций упадка и квазистабильности, инерционности на будущее России.

Российские исследователи подчеркивают «анахроничность», сословность и некомпетентность российской элиты, которая сформировалась в период распада Советского Союза, «великого передела собственности» и, несомненно, несет отпечаток кризиса XX в. Правящему классу приписываются различные социальные негативы (независимость от гражданского общества, «самодовольство», клановость, неограниченное использование ресурса властных полномочий, избирательное использование права, коррумпированность, ориентация на краткосрочные цели, неуверенность в будущем), это подготавливает к мысли, что все проблемы развития состоят в смене элит, процесса активной ротации в течение 20–40 лет. Сохранение режима перед лицом политических и экономических угроз (В. Мау) делает практически беспредметным разговор о путях самодостаточного развития, поскольку действия элиты на макро-, мезо- и микросоциальных уровнях в такой ситуации определяются исключительно мерами по «дискредитации» правовой компетентности противников и манипулировании обществом при наличии политических, информационных и социальных технологий (И. Валлерстайн).

З.Т. Голенкова подчеркивает, что российская элита, составляющая 6–8% населения страны вместе с так называемыми субэлитными слоями, представляет классовое меньшинство,

ведущее ресурсами для сохранения своих социальных позиций, но по своим структурным и функциональным характеристикам, за исключением узкого слоя менеджеров, не способна к принятию современных методов управления экономикой и политического влияния. «Один из важнейших факторов имущественной дифференциации – должностной статус, особенно владение распорядительными финансовыми функциями. Наши данные говорят о том, что продолжается процесс оформления группы, представители которой благодаря своему особому положению в системе властных отношений быстро становятся господствующим и привилегированным слоем. Ядро состоятельного слоя составляют руководители предприятий, в первую очередь директора, предприниматели, финансисты» [5, с. 99]. Казалось бы, наша история свидетельствует в пользу избрания «самодостаточного развития», но именно «распределительные функции» определяют интерес к наращиванию финансовых ресурсов и монополии на инвестиционную деятельность. Ведущими тенденциями развития экономики в 90-е гг. XX в. стала приватизация промышленных предприятий: к 1997 г. негосударственные предприятия составляли 95,6 % общего числа предприятий и давали 89,6 % продукции (в 1990 г. в РСФСР имелось 26,9 тыс. промышленных предприятий с 23,1 млн. человек, в 1997 г. – 154 тыс. предприятий с 14 млн. человек персонала) [6, с. 144]. «Минимизация» промышленности якобы с целью повышения экономической и управленческой эффективности привела к новым социально-структурным сдвигам рабочего класса, профессиональной деградации интеллигенции, возникновению новых посреднических, непроизводительных слоев.

Элита, сформированная в процессе реформирования экономики, ориентируется на «максимизацию прибыли» через краткосрочные финансовые проекты, и управленческие функции замещаются потенциально распределительно-распорядительскими. Интересно, что 65% менеджеров не имеют технического или экономического образования, если не считать таковыми курсы переподготовки (бывшие служащие силовых структур, гуманитарии, научные функционеры советской эпохи). В правлении формально государственной компании РАО ЕЭС 70% членов правления имеют финансовое или гуманитарное образование, своей целью они считают эффективность регулирования финансовой наживы, задачи технической модернизации и роста производства электроэнергии (которое сокращается ежегодно на 3–4%) второстепенными. М. Кивинен отмечает, что в России свершилась «революция управления», но не в смысле перехода к поколению менеджеров, а приватизации бывшими государственными управляющими собственности, перемены правил управления схемой, то есть поиска способов выживания.[7, с. 142] В таких условиях усилия элиты направлены на пролонгацию социального статуса, использование ресурса корпоративизма в частных целях.

Т.И. Заславская выявляет, что «в элитном слое мы видим две наиболее мощные социально-политические силы: государственную и олигархическую. Достаточно заметно здесь влияние противоправных (криминальных) сил» [8]. Нам кажется, что деление условно, так как речь идет преимущественно о способах достижения «стабильности», которая, по мнению Заславской, является выгодной при микродиффузиях и противоречивых результатах социальной трансформации и соответствующей идеологической риторике. Государственничество состоит в повышении участия государственной бюрократии в разделе собственности и акценте на ранее государственно зависимых слоях населения (государственных служащих, бюджетниках). Либералы выступают за умеренные инновации, которые бы способствовали отмиранию советского прошлого и доминированию «новых собственников». Так что в деятельности обеих групп не просматриваются цели самодостаточного развития, их более соединяет, чем разделяет идеология «стабильности», вера в инерционный сценарий. Исследователи подтверждают клановый (социально-территориальный) характер новой российской элиты (петербургская, московская, уральская), выявляют интегративные черты, связанные с концентрацией властных и экономических ресурсов, выработанной платформой общих действий. Разумеется, система консолидированности не освобождает от реальных, экономических (отраслевых) противоречий. Сейчас в настроениях элиты доминирует вертикальная оставляющая, попытка выстроить иерархию в соответствии с властными ресурсами, и длящийся спор власти и олигархов можно назвать борьбой групп политического и экономического капитала. К сожалению, в очередной раз речь идет не о разделении власти и бизнеса: скорее реализуется план «опеки» бизнеса со стороны правящего политического класса, частных интересов находящегося у власти политического клана. Если страну ждет третья волна «приватизации», Россия потеряет многие стратегические отрасли (транспорт, энергетика, ВПК) и осложнится перспектива развития российской экономики. Вероятно, получение прибыли от экспорта нефти (30–40 млрд. долл.), экспорта вооружения (4–5 млрд.), леса (15 млрд.) нуждается в другой схеме перераспределения, к которой большинство населения не будет относиться.

Самодостаточное развитие связано с национальной мыслящей элитой, сформированной в процессе развития, роста экономики и повышения инновационного потенциала общества. В посттрансформационный период наблюдается некоторый рост (3–5%) в отраслях, наиболее пострадавших от демодернизации (машиностроение, легкая промышленность), где спад производства составил 50–70%. Конечно, такой прогресс по сравнению с нефтеперерабатывающим комплексом (6–8%) не дает основания полагать, что начался процесс «выздоровления экономики», а не ее ремиссия, связанная с кризисом 1998 г. и «отталкиванием от дна». Определенное влияние имеют субъективные факторы: наряду с красными директорами появился тонкий слой антикризисных управляющих (6–8%), ориентированных на оптимизацию и экономическую эффективность.

Данные РНИС и НП свидетельствуют, что в системе экономических представлений россиян значительное место занимает государство (в %):

	1994 г.	2001 г.
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	15,5	18,2
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	12,5	8,0
Государство, которое восстановит государственную экономику, одновременно расширив части экономических и политических возможностей граждан	39,5	37,2
Тип государства не имеет значения: скорее нужен лидер, который возьмет на себя ответственность за происходящее	20,8	23,2
Затруднились ответить	11,7	13,4

Сокращение числа сторонников либеральной модели связано с ростом количества тех, кто хотел бы видеть компетентного лидера, отвечавшего за экономику. Следует отметить, что это, с одной стороны, создает благоприятные условия для усиления роли элит в трансформационном процессе, с другой – показывает, насколько в российском обществе распространен синдром безответственности, нежелания брать на себя участие в решении обозначенных проблем. Между тем самодостаточное развитие определяется как существованием социально ответственной элиты, так и групп «общественного контроля» за деятельностью экономических и политических элит. Ориентации почти 40% россиян настроены на парадоксальность «сильного государства» и защиту индивидуальных прав. Ж.Т. Тощенко пишет: «Экономика переходного периода породила как в России, так и во всех постсоветских странах, еще один парадокс: для осуществления процесса трансформации требуются высококвалифицированные кадры, но их вместо того, чтобы включить в осуществление преобразований, вытесняют на периферию трудового процесса» [9]. В России избыточное количество бюрократии, но, как мы выяснили ранее, дефицит тех, кто может претендовать на статус квалифицированного менеджера, имеющих навыки работы в ситуации конкуренции и диверсификации производства. Профессиональный дилетантизм дает возможность реализовать нахрапистость, беспощадность к конкурентам, выгодность в выборе средств для завоевания собственности. Несмотря на формирование элиты монополистов и «хапков», существует потенциал конструктивизма, самореализованный на региональном и отраслевом уровнях. Интересно, что 7–9% предпринимателей в структуре социально самодостаточного населения являются «стандартом» развитых стран и попытки сделать Россию страной «малого и среднего бизнеса» утопичны.

Вероятно, российский прорыв возможен в секторах, в которых накоплен технический и профессиональный потенциал, где сохранили авторитет и опыт в международном разделении труда. Хозяйственные элиты, лидеры экономики (24–40% высшей хозяйственной элиты) объективно ориентированы на самодостаточное развитие. В элитной группе существуют определенные социопрофессиональные и социокультурные риски, но в отличие от банковского и сырьевого капитала их основной интерес реализуется в управленческой и инвестиционной деятельности, «исполнении» социальных обязательств перед трудовыми коллективами, и они не могут вывезти свои предприятия за рубеж или положить на банковские счета в оффшорных зонах. Конечно, многие руководители не преодолели синдрома технократизма и «администрирования», ощущается острый дефицит управленцев среднего и первого звеньев. Российские вузы наплодили новоиспеченных менеджеров, не знакомых со спецификой производства и практикой социального и экономического управления, а инженеры «массовых профессий» имеют профессиональные знания тридцати-сорокалетней давности, ориентированы на экономику ресурсных дефицитов.

Так называемая рыночная экономика, проявляемая как теоретическая конструкция, трудно реализуется в разбалансированной экономике и условиях отсутствия инновационных групп

(российского среднего класса). Попытка найти «локомотив» российской экономики в жилищном строительстве, развитии транспорта инфраструктуры или использовании потенциала ВПК не учитывает реальные возможности названных отраслей, потому что есть проблема технологической модернизации и реализации стратегических инвестиционных программ. Российская элита активно выступает за вертикально-организованные структуры (ФПГ), но остается неясным разделение функций корпорации и государства, способы использования социального ресурсного потенциала.

Наверное, звучит тривиально, но от усилия элиты бороться за развитие страны и быть образцом в преодолении трудностей зависит ее будущее: даже отсутствие сырьевых ресурсов и технологий не является серьезной помехой. Известный экономист М. Делягин пишет, что российское общество определилось с идеологией самодостаточного развития, синтезом патриотизма и либеральных ценностей. Другое дело, что правящий класс не в состоянии артикулировать цели развития, ясно их обозначить. Элита, воспитанная в поколении глобализации, разрывавшая природные богатств, обесиленная всепроникающим цинизмом, успешно использует ресурсы общества для реализации классовых целей, в первую очередь, удержания господствующих позиций в экономике и политике.

С М. Делягиным согласна и Т.И. Заславская, которая дает определение российской элите как альянсу олигархии и «разросшейся бюрократии» [8, с. 143]. Однако такая позиция по поиску «виноватого» не облегчает задачу нахождения деятельностных лидеров, так что определенная часть элиты настроена играть на опережение, тем более, отмечает М. Делягин, история представила период передышки (высокие цены на нефть, США увязли в иракском конфликте). Нам кажется, что эпицентром новой элиты становится слой молодых менеджеров (25–40 лет), кто не испытывает ни проблем «расставания с прошлым», ни эйфории «модернизации», они ориентированы только на развитие инновационных отраслей. Особенный интерес представляет группа «самодельных» бизнесменов, занявшихся реконструкцией старых отраслей или созданием новых, конкурентоспособных производств. Конечно, новой российской элите присущи некоторая раздвоенность, парадоксальность сознания (надежды на самодостаточное развитие и планируемые выгоды глобализации для личных интересов). Безусловно, им приходится выбирать между необходимостью реализовать оптимальный сценарий трансформационного процесса и стихией частных интересов, вписывающихся в логику «быстрого обогащения» [10, с. 46]. И дело здесь не в течениях, которые исходят из индивидуального выбора, а в ориентации на «ресурсообладание», личное присвоение ресурсов. Самодостаточное развитие предполагает ресурсный консенсус, сохранение ресурсообладания с ответственностью за их использование.

Иными словами, российское общество ждет от элиты, как ресурсообеспеченной группы, референтности класса квалифицированных управляющих, структурных и институциональных изменений для расширенного ресурсовоспроизводства. Из 50 российских олигархов где-то 10–15 занимаются благотворительной деятельностью, но пока не заметна активность в реализации социальных программ (образование, кадровая подготовка, интеграция молодежи, охрана здоровья, экономика), чтобы считать поворот к социальным стратегиям очевидным.

Практика «изгнания» собственников и использования спекулятивной экономики как механизма «упрочения позиций» до сих пор не переставала быть эффективной, так как не сформировалась, не институционализована конкуренция и налогообложение. Российская хозяйственная элита определилась в стратегии рыночного индивидуализма, но не выработала механизмов взаимодействия с обществом. Отсюда постоянный страх передела собственности, использование социальных ограничений в повышении эффективности и выгоды. [11, с. 260] Высший элитный слой замкнут и немногочислен, так что его объединяет стремление к монополизации ресурсов и страх не пресловутой гражданской войны, а появления новых лидеров экономики. В российской экономике появился инновационный сектор, сектор знания, заимствованных технологий. В стране действует более 100 научно-исследовательских центров (биотехнология, энергетика, коммуникация). Их мощность составляет 20–30% американского потенциала, в них занято 150–250 тыс. персонала. Социальное значение определяется не количеством персонала, а качеством выпускаемого продукта. Разговоры о том, что Россия будет иметь успех с продажей технологий, не имеют смысла. На наш взгляд, перспективы – в развитии небольших высокоэффективных технологий. Логика «выживания» научно-исследовательского комплекса, работ в условиях рыночной конкуренции с зарубежными партнерами и рациональная экономия ресурсов выводят сектор знания к потенциальному лидерству в российской экономике. Государство тратит 3–4% на научные исследования (преимущественно фундаментальные), но интеллектуальный центр акад. Ж. Алферова зарабатывает в два-три раза больше, чем «дотируемые» структуры. Причина в том, что сектор знания производит продукцию, бюджетная наука находится в зависимости от финансовых ресурсов государства. Крупные российские ученые

участвуют в 8–10 исследовательских проектах и, вероятно, в ближайшие 10–15 лет сформируется элита с идеологией ресурсосбережения, поскольку сырьевой кризис перевернет стандартные мировоззренческие схемы (А. Починев).

М. Кастельс заявляет, что «дело не в людях, в недостатке материальных ресурсов, отпущенных на инновационное развитие» [12, с. 456] относительно советскому обществу. Однако видеть причины отставания в адаптации инновационных ресурсов для ВПК не совсем корректно. Так называемая конверсия ВПК не привела к желаемому росту, скорее, произошли «спуск» к рестриктированным потребностям сырьевых отраслей, задействование только 15% потенциала научно-исследовательского сектора. Наука, занятая ранее обслуживанием ВПК, испытывает двойную нагрузку инерционности связей с государством и несовершенства отношений со сложившейся квазирыночной экономикой. Российская экономика так и осталась закрытой для взаимовыгодной кооперации с производством знания, работая по схеме «заказов».

Действительно, наблюдается рост «торговли технологиями» (в первую очередь оборонными), но синдром «отставания», стратегия депендизма усиливает зависимость от внешних экономических и социальных влияний. Новый сектор «знания» оторвался от индустриальной экономики, угроза безработицы в сочетании с низкими доходами миллионов россиян делают новые технологии социально неэффективными. Удовлетворение в базовой потребности адаптации поглощает интегративные процессы, поскольку социоадаптивные структуры отрицательны к инновациям, поддерживаются реальной или воображаемой ресурсозависимостью. Н.А. Волгин отмечает, что почти третья часть респондентов (29,8%) сознается, что не в полной мере реализуют свой физический, умственный и интеллектуальный потенциал на работе, причем более неблагоприятное положение в этом плане в образовании и культуре (36,8%). [13, с. 23]

У работников многих отраслей нет заинтересованности в результативности труда, самореализации, изменении условий труда и собственных профессиональных качеств. Сколько бы ни работал человек, его личный вклад измеряется нивелирующей тарификацией или «благополучным местом», принципом «где он работает». Менеджеры ведущих российских нефтяных компаний получают более 1 млн. долл. годового дохода (Сибнефть, Лукойл, Юкос, Сургутнефтегаз), ставки в обрабатывающих отраслях – 200–500 тыс. долл.

Привилегированность, правление узкого круга лиц стимулируют безынициативность работников, особенно в так называемых бюджетных сферах.

Характерно, что среди российских учителей только каждый десятый читает периодическую литературу, среди молодых инженеров – 3–6%. Перспективные отрасли «самодостаточно развития» сталкиваются с «барьерами незнания», исключительности, технологического и социального традиционализма. Из российских школ каждый год уходят до 25% учителей, преимущественно молодых, образованных людей, не справившихся с ситуацией «выживания» или новых правил педагогической деятельности. Вузовскую систему покинуло более 32% кандидатов наук, 16–17% докторов, профессоров. Существует и проблема поляризации доходов, также влияет и «отставание», невозможность реализовать инновационные образовательные технологии, заниматься наукой и самообразованием. Новый сектор не может вместить всех претендентов, так как локализован и существует возрастная дискриминация (до 40 лет), требуются «узкие» специалисты.

Конечно, российская элита не осознала, что социальная ответственность лежит даже не в реализации социальных программ, а в формировании сектора новых технологий, расширении затрат на НИОКР и подготовку специалистов по инновационным профессиям. Хотя в российской прессе часто раздаются призывы к созданию российской «силиконовой долины» на базе существующих наукоградов, социально-организационные, социоструктурные, социоэкономические параметры городских агрегаций «закрытого типа» ориентированы на «мобилизационный» или инерционный сценарии развития. Профессор Л.Н. Коган пишет: «Весь духовный потенциал провинции определялся центром и находился под строжайшим контролем». [14, с. 124] Централизованность финансовых и образовательных ресурсов определяла достигнутые стратегии, миграцию в столицу талантливых ученых, артистов, деятелей культуры, где имелись возможности самореализоваться, быть замеченным и интегрироваться в иерархию высших должностных статусов. Так называемые центробежные тенденции сопровождалась позитивными изменениями в сторону хозяйственной, политической и культурной самостоятельности, но не привело к ожидаемому росту ресурсонационального потенциала провинции. Впору говорить о распаде духовного пространства в стране: столичная элита «варится» в собственном соку, ослабли культурные, научные, информационные контакты. В 90-е гг. в 4–6 раз упало количество статей, публикуемых российскими учеными в московских научных и научно-популярных журналах. Так называемый провинциальный изоляционизм является качеством социальной традиционализации и демодернизации. Из наукоградов, финансирование которых государство прекратило в

1995–1996 гг., уехали на заработки в Москву, за границу или поменяли профессию более 80% молодых ученых (25–40 лет). Провинциализм влечет смещения в социофессиональных и досуговых ориентациях населения (просмотр телепередач, прогулки по улицам, дискотека). При этом самостоятельные занятия занимают 10-е место, подготовка к учебным занятиям – 12–13-е место. Попытка же кадровых политиков и деятелей культуры прославить российскую провинцию «лидером русского возрождения» или надеждой будущего России играет позитивный смысл и может быть интерпретирована как ностальгия или очередное заблуждение. Если в мегаполисах преобладают «западники» с отстраненностью от традиций и скепсисом к русской истории, науке, культуре, страдают комплексом «зависимости и привыкания» (31% респондентов), ситуация в провинции характеризуется засильем групп с минимальными, духовными потребностями, ограниченными мировоззренческими схемами и приоритетом ценностей дома, улицы, квартала, индифферентностью и неотрефлексированностью проблем макро- и микроуровней. В советский период именно молодежь из провинции составляла 50–60% абитуриентов на инновационных факультетах московских вузов. Выживание, напротив, связано с высокими адаптивными возможностями [15, с. 49] и недоверием к рефлексии и мобильности.

Развитие инновационных центров тормозится как тенденцией восстановления старой схемы «вертикальной интегрированности», построенной на «вертикальном распределении ресурсов», так и развитием горизонтальной координации в решении стратегических задач, когда провозглашаются реактивность и эмпиризм в оценке перспектив развития. Россия проскочила технический раздел 70-х гг. (М. Кастельс). Вернее, приняла мобилизационный, ориентированный на ВПК вариант технического роста. Неразумно объявлять приговор реально работающему сектору российской экономики, также рискованно видеть развитие инновационного сектора на основе саморазрушения ВПК. Сложившаяся динамика в США 70-х гг. возникла не в результате исчезновения крупных корпораций, ее развитие было связано с предложением новых товаров и услуг.

Российские наукограды могут трансформироваться в инновационные центры с ориентацией элиты (в том числе и региональной) на идеологию «роста», развитие модели «обращаемого ресурсораспределения», т.е. взаимных ресурсоконтактов центра и регионов, циркуляции элит и перехода от борьбы за корпоративные интересы к стадии добровольных соглашений. Данная перспектива может быть инструментальной, основанной на ожидании социальных дивидендов: движение к общественному консенсусу на основе традиционных базовых ценностей, отношения к государству как основной организующей силе кажется избыточно сентиментальным.[10, с. 105] Обновление элиты, принятие национальных интересов и консолидированность в решении задач ресурсосберегающего развития вытекает из «морального имперования», но вовсе не согласуется со стремлением к стабильности и эксплуатацией ресурсов инерционности.

Российская элита знакома только с мобилизационной идеологией, рисками «централизации» и тотального социального контроля. Может быть, поэтому разговоры о выборе развития подпадают под подозрение «возвращения назад». Что же касается базисных ценностей, то нуждается в уточнении «державность», народность, «социальная справедливость и братство народов» или «свобода и рынок» берутся в качестве ценностных образцов. Большинство россиян как в элите, так и в основных слоях населения воспринимают государство как институт «согласования интересов» и надеются на институционализацию договорных механизмов.[16, с. 302] Сценарий «сильного государства» разрушает ростки самореализации, так как российская элита скорее привязана к распределению социальных ресурсов при помощи государства, чем обладает навыками «воспроизводства» через социальные инновации.

Обосновывая третий путь развития России, критики «догоняющей модернизации» основываются на так называемых социоструктурных факторах (социальный архетип, национальный менталитет). На наш взгляд, такой подход содержит перспективу «добровольной периферизации», псевдовозможности, в том числе социоизоляции, чтобы не потерять чувство «влияния» и правильности избранного пути. Использование институциональных или социоструктурных критериев дает противоречивое толкование изменений.[17, с. 136] Ресурсная составляющая сосредотачивается на инновационном и мобилизационном потенциале общества и в оценке российских преобразований выявляет стихийную ресурсозакрытость, ресурсный мутогенез. Не случайно российская элита воспроизводит дистрибутивную модель ресурсопотребления: мобилизационное наследие тяготеет к перераспределению, монополизму, содержит недоверие к инновации, как риску угрозы монополизма. Структурные и функциональные характеристики постреформенного периода определяются катастрофическим уменьшением традиционной ресурсной базы, сокращением ресурсообеспеченных слоев, независимостью стихийных центров ресурсораспределения. Институционализация элиты, формирование элиты «знания» бло-

кируется значительным слоем «мобилизационных управляющих», экспансией бюрократии, глобалистской идеологией новых элитных «выдвиженцев».

Расклад общественных настроений (почти 72% россиян придерживаются того варианта, что базисные отрасли должны управляться государством, чуть более 1/5 допустило сосуществование и только 2,5% придерживаются либеральных взглядов) вынуждает элиты двигаться по пути «ускоренного» проведения так называемых либеральных реформ с соответствующей государственной и патриотической риторикой. Большинство элиты (72%) не желают возвращаться к государственной модели управления и одновременно среди них только 11–12% – сторонники безоговорочной институционализации частной собственности, прохождения по пути «догоняющей модернизации». Ссылка на социокультурные факторы облегчает выбор «промежуточного» варианта догоняющей модернизации, направляет организационный и мобилизационный потенциал элиты на регулирование протестных настроений. Инновационный сектор развития находится в тени, поэтому он не связан с основными акторами трансформационного процесса, выступает как субдоминантная структура в системе глобализируемой экономики. Выходит, что российское общество распрощалось с концепцией инновационного, самодостаточного развития? Ведь социокультурные «поправки» могут внести ясность в предложение органической модернизации, которую России не удастся повторить по причине ее стратегии и отсутствия мотивационных механизмов, используемых в Японии или Таиланде.

Социологический анализ российской элиты обнаруживает «вакуум» компетентных управленцев. В то же время в обществе не существует потребности в авторитарном руководстве экономикой (7% респондентов).[18, с. 40] Поэтому претензии государственной бюрократии на руководство «железной рукой» пагубны. Дело в том, что избирательное репрессивное право больше бьет по инновациям, но и, несомненно, может привести к уменьшению инновационного сектора. Как мы знаем, «китами» государственной бюрократии являются сырьевой комплекс, ВПК, машиностроение, АПК и, в последнюю очередь, информационно-технологический. Специфика последнего состоит в диверсифицированности, гибкости производственных связей, меньшей подверженности «внешнему» давлению. В обществе же воспроизводится традиционное противопоставление «сырьевой – обрабатывающей» экономики. Россия может избрать путь реиндустриализации, но навряд ли в современной ситуации можно пройти путь Советского Союза. Элиты утратили энергию и испытывают страх мобилизационной идеологии. Отсутствует и социальная группа, потенциальная жертва индустриального развития, ускоренной модернизации.

Самодостаточное развитие обращается к исходящему вектору: в инновационный сектор необходимо вложить доходы от продажи сырья и совершить трансформацию образовательных и научно-исследовательских структур. Кстати, никто не спешит инвестировать в «традиционные» индустриальные страны, которые работают по принципу «остаточной эксплуатации». Стране требуется сохранить и технически реконструировать 40–50% индустриального потенциала советского периода, что можно сделать за счет рационального использования ресурсов предприятий, инновационного менеджмента и реальной поддержки государства. Как отмечает российский экономист Д. Львов, это позволит поддержать традиционные группы и сформировать антикризисный обрабатывающий сектор (30–50% советского ВВП). При этом будут использованы ресурсы переданной хозяйственной и властной элит, составляющих 20–30% российского ресурсообеспеченного класса. «Выдавливание» представителей инерционного развития и стимулирование прихода менеджеров новой волны являются взаимосвязанными процессами. Самодостаточное развитие не основано в целом на информационных технологиях, которые являются только условиями производства, возобновляемых ресурсов и экономией «знания» ресурсов.

Таким образом, разнородность российской элиты можно использовать в траектории самодостаточного развития, когда каждый сможет включиться в процесс экономических и социальных изменений с пониманием своей компетенции в процессе социальных и экономических изменений. Вернуть рынки управления государству связано более с негативными экспансиями по поводу «олигархов» (62% опрошенных), приватизация (55%), новых русских (55%) [19, с. 29]. Ввязывание общества в беспредметную, неконструктивную дискуссию о достоинствах и недостатках мобилизационного и рыночного путей развития оставляет незамеченной проблему «самодостаточного развития», оптимального в условиях «ресурсодефицита», экономического и социального регресса российского общества.

Инновационность так и не стала базисной ценностью общества, распространение получили так называемые паразитические инновации, связанные с использованием дисфункциональности социальных институтов (П. Штопка). Вероятно, что в обозримом будущем не сформируется тип рациональной личности, потому что есть «современный потребитель», но на го-

ризонте не видно «современного производителя». Так как не имеют реальной возможности повысить зарплату 36,7% работающих по найму и 14,3% занимающихся коммерцией, сделать карьеру – соответственно 39,8% и 21,4%, растет число тех, кто не видит реального пути разрешения своих жизненных проблем.

Чтобы преодолеть мощный депривационный эффект, революция ожиданий может быть направлена в русло «образовательного» и «научного рывка», поддержки культуры и социальной самостоятельности молодежи. Инновационный потенциал российского общества невелик (12–15% населения), но как раз «выталкивание» общества из состояния социальной апатии предстоит осуществить этим, находящимся на социальной периферии слоям. Российская интеллигенция в элите составляет 3–4% (преимущественно гуманитарная), учителя и преподаватели, инженеры и организаторы производства относятся к так называемым обычным «бюджетным» слоям населения, имеющим среднедушевой доход чуть ниже прожиточного минимума. Государство привыкло к поощрению форм социальной зависимости, что снижает ресурсообеспеченность возможных субъектов самодостаточного развития. Бывший экономический советник Б. Ельцина, А. Ослунд пишет, что русские полагают, что деньги надо вкладывать туда, куда советует их влиятельный друг из правительства.

Естественно, социальные инвестиции окупаются в течение 30–40 лет. Очевидно, что образование может быть конкурентным на глобальном рынке (В.Г. Федотова). Россия от обучения иностранных студентов могла бы получать не меньше денег, чем от вывоза цветных металлов. Но образование в России подвержено иным влияниям, воспроизводству социального расслоения общества: разделение на элитарное и государственное образование привело к стагнации. Новоявленные университеты готовят специалистов сомнительного качества. Государственное образование, переориентированное на низшие социальные слои, опускает планку предъявлений, становится прибежищем для пенсионеров и «неудачников», неадаптированных и инертных специалистов.

В.Л. Иноземцев обращает внимание на то, что «деятельное развитие» требует колоссальных инвестиций, ресурсов [20, с. 252]. Действительно, 70% инвестиций идет в экспортно-ориентированные, добывающие отрасли, производство электроэнергии. Воспроизводится квазистабильная социальная структура и усиливается социально-производственная и территориальная стратификация. Непривилегированные слои населения, не получившие ничего взамен, становятся потребителями экономических, экологических и социальных рисков. В результате инновационный потенциал общества трансформируется в адаптивные, так называемые доминантные секторы и мобилизованы, развращены высокими доходами, а производственные и социальные издержки переносятся на общество. К примеру, деятельность сырьевых и металлургических компаний сопровождается деградацией окружающей среды в 2–3 млрд. долларов ежегодно, но производители рисков оплачивают только 10–20% издержек. Такая ситуация оккупирует «парализующее» воздействие на инновационный потенциал общества, так как «благополучные» регионы вынуждены затрачивать на социальную помощь, ликвидацию техногенных катастроф и другие неинвестиционные проекты 70–80% поступлений от государства и экспортноориентированных собственников.

К тому же достиженческая самомотивация «блокируется» сырьевой эйфорией, ориентацией развития на открытие «варягами»: местные элиты испытывают стремление к получению социальных дотаций, с недоверием относятся к возможностям саморазвития региона. В.Л. Иноземцев указывает на прямую взаимосвязь критической зависимости от импорта продовольствия, потребительских товаров и дефицита новейших технологий. Доминирование потребительских зависимых групп в структуре общества уменьшает возможности самореализации. Например, в Архангельской области, где действует схема привлечения внешних собственников, научно-производственный потенциал (преимущественно ВПК) снизился за 90-е гг. на 60%. Практически не выживают новые авангардные структуры сектора «знаний». О.Н. Яницкий уверен, что российское общество переориентируется на производство и потребление рисков. Новейшие технологии несут элемент непредсказуемости, но еще большая проблема связана с использованием традиционных производств (так называемая замкнутая алмазная лихорадка в Астраханской области будет стоить минимум 60 тыс. ценных лесных и сельскохозяйственных земель).

Т.И. Заславская полагает, что одним из механизмов социально-инновационной активности является создание и использование институтов конкуренции, с другой стороны – неформальных социальных сетей [8, с. 500]. Очевидно, что описанные сценарии динамического и инерционного развития репродуцируют конкуренцию за власть и инвестиции, которые опять же определяются распределением ресурсов. Данная сфера монополизирована «сырьевиками», которых можно условно отнести к производителям. Как социальный слой, интегрированный в

структуру «корпоративного государства», малый и средний бизнес действует благодаря «серым схемам» и вторичным рынкам наемного труда. Т.И. Заславская уверена, что, обладая минимальными социальными ресурсами, базисные слои способствуют изменению социальных практик. Мы выяснили, что в теневой экономике (40 % экономики России) развиваются архаичные, демодернизационные тенденции, господствуют индивидуалистические стратегии с установкой на паразитические инновации и социальную абберантность.

Инновационность определяется рационализацией социальных отношений и становлением аморфной структуры общества через горизонтальные связи, реально представляет процесс «дисперсии» социальных ресурсов. Ни одна социальная группа не может обеспечить потенциал «саморазвития», горизонтальные связи сводятся к неформальным солидарностям, негативной мобилизации и системам «самопомощи». Традиционализацией теневых практик эти слои затрудняют переход к институциональным инновациям, когда неэффективна система конвертации асоциального поведения в поиск новых траекторий социального развития.

В обществе накопился потенциал социальной энергии, но его использование для самодостаточного развития проблематично, так как высока вероятность конфликтности так называемого адаптированного большинства и инновационного меньшинства в хозяйственной, политической и культурно-идеологической сферах. Предписанные обществу институционально-правовые свободы адекватны схемам «обогащения», «овладения ресурсами», так как основываются на неравном доступе к праву и исключению зависимости от формальных правовых структур.

Такие «социетальные» инновации, как торговля оружием, наркотиками (в страну ввозится ежегодно 200 т наркотиков), способствуют развитию теневых социальных практик (борьба с преступностью превратилась в бизнес, в котором одинаково заинтересованы и производители рисков, и структуры, занятые проблемами социальной безопасности). В проигрыше оказываются инновационные структуры, готовые к легитимным, системным практикам: изменение схемы ресурсораспределения связано с «рациональным спросом», признанием выбора [21, с. 40], что противоречит предэкономическому и предсоциальному сознанию производителей и потребителей риска. Инновация тем более дискредитирована в российском обществе «асфиксией», практикой разрушения коммуникаторных традиций, отказом от знания как условия эффективной деятельности [2, с. 78].

В период социальных трансформаций деструктивные изменения превышают конструктивные, что мы видим в превышении критических показателей российского общества. Идеология «квазистабильности», наведения порядка в экономике и обществе связывается, как мы выяснили в процессе исследования, с возвращением к редистрибутивным институтам (С.Г. Кирдина) и усилением влияния «стабилизирующих» групп. Однако возникает проблема социального согласия: «преуспевающие» и неадаптированные слои населения исходят из разных точек отсчета. Элита не может быть арбитром, так как несет прямую ответственность за демодернизацию экономики, социальное расслоение, нарастание социальных рисков и культурно-ценностную дезориентацию общества. Догоняющая модернизация, которая характеризуется изменениями «сверху», приводит к абсолютной технической, интеллектуальной и культурной зависимости от глобальной миросистемы [20, с. 111]. Ресурсы саморазвития переориентируются на обмен в глобальном пространстве: «делание денег» и готовность заимствовать, как социально значимые ценности, значительно снижают мобилизационный и консолидационный потенциал общества. Элита становится «чуждой» обществу по интересам, образу жизни, культурно-ценностным ориентациям: иначе, чем объяснить, что производится оплата расходов на обучение за границей (для 40% элитных и субэлитных слоев) и приобретение отечественной педагогической школой.

Самодостаточное развитие нацелено на формирование потребности в творчестве, изобретениях и использовании инноваций, так что без развития инновационного потенциала общества нельзя надеяться на изменение вектора развития. Инновационная способность частного сектора, как подчеркивает Т.И. Заславская, систематизируется в теневых практиках, росте паразитических инноваций. Можно говорить, что кризисные ситуации, бифуркации в развитии вынуждают элиты обратиться к «островкам стабильности» в науке, образовании, технологиях. Однако любой срыв в обществе с предельными критическими показателями означает нарастание хаоса, с которым трудно справиться «замкнутым в себе» слоям, кажется, не испытывающим доверия к социальным институтам.

Ориентация на повышение эффективности инерционного общества, и здесь мы согласимся с В.В. Локосовым, бесперспективна. Расхищение сырьевых ресурсов, десоциализация населения, выживание образованных агентов отбросили страну к уровню начала XX в. [22, с. 42] Однако большинство российских исследователей предлагают объединение на идейных

принципах (корпоративных, либеральных), когда необходим социокультурный сдвиг, повышение деятельностного коэффициента общества. Перемещение инновационной деятельности из сферы «ресурсозатратности» в ресурсопроизводство связано с инвестициями в социальную сферу. Источником выступает социально респонсивная экономика, интересы которой определяются социальной эффективностью, максимизацией прибыли на основе новейших технологий и использованием профессионально-квалификационного потенциала общества. Английский исследователь С. Бриттен пишет: «Мы знаем, что доказательством личной выгоды является сверхупрощение» [23, с. 360], – так что надеяться на старт от «сверхвыгодного» сырьевого сектора бесполезно.

Отказ от роли рынка, как саморегулирующегося механизма, в пользу самоопределения и самореализации общества утверждает приоритеты социальной безопасности и всеобщего благосостояния (А. Этциони). Самодостаточное развитие, на наш взгляд, есть процесс «социализации» экономики и общества, создание условий для социальных групп с инновационным потенциалом и приверженных идеям самоопределения, социальной и профессиональной автономии. Современный кризис в России – это прежде всего «разруха в головах моделях». Общество не пережило таких «реформ», деструктивных изменений, пленено так называемыми адаптивными стратегиями. Ясно, что самодостаточное развитие хотя бы дает возможность ответить на вызовы глобализации, и уже в таком скромном формате есть шанс предсказуемости и общественного договора, который по традиции в России стремится обозначить «навязывание» политической воли различных элитных групп. Но более реально рассчитывать на то, что разные аспекты самодостаточного развития осмыслены инновационными группами в обществе, и, хотя можно сделать много ошибок, риски, исходящие от перспективы перемен, менее разрушительны, чем от людей, демонстрирующих идею «рыночной свободы» или возвращения в «ресурсодефицитное» общество, готовых ради мобилизационных проектов «перемолоть в жернове истории» целые социальные группы и слои.

Ссылки:

1. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. М.: МГУ, 2003.
2. Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: академия, 1999.
3. Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002.
4. Найбороденко Н.М. Прогнозирование и стратегия социального развития России. М.: Маркетинг, 2003.
5. Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-пресс, 2001.
6. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991 – 2001 гг. М.: Алгоритм, 2002.
7. Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. С.Пб.: Академический проспект, 2001.
8. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
9. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
10. Белов М.Т., Любченко В.С. Властная элита: процессы трансформации российского социума. Ростов н/Д, 2002.
11. Козловский П. Общество и государство: Незыблемый дуализм. М.: Республика, 1998.
12. Кафель М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М.: ГУВШЭ, 2000.
13. Волгин Н.А. Сколько и как платить российскому бюджетнику // Социологические исследования. 2002. № 4.
14. Коган Л.Н. Духовный потенциал продвижения вчера и сегодня // Социологические исследования. 1997. № 4.
15. Волков Ю.Г., Попов А.В. Проблемы формирования идеологий рыночного развития. Ростов н/Д, 2000.
16. Касьянов В.Н., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д, 2002.
17. Заславская Т.И. Кризис институциональных систем. М., 1999.
18. Гребешенко С.Ф. Куда и почему идет Россия? // Социологические исследования. 1999. № 7.
19. 10 лет реформ глазами россиян. М.: РНИСиНП, 2002.
20. Иноземцев В.Л. Пределы догоняющего развития. М.: Экономика, 2000.
21. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: Ин-т философии РАН, 2002.
22. Локосов В.В. Трансформация социетальных систем: опыт реформ в современной России: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д.с.н. М., 2002.
23. Бриттен С. Капитализм с человеческим лицом. СПб., 1998.

References (transliterated):

1. Osipov G.V. Rossiyskaya sotsiologiya v XXI veke. M.: MGU, 2003.
2. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. M.: akademiya, 1999.
3. Khomskiy N. Pribyl' na lyudyakh. M.: Praksis, 2002.
4. Nayborodenko N.M. Prognozirovaniye i strategiya sotsial'nogo razvitiya Rossii. M.: Marketing, 2003.
5. Rossiya: transformiruyushcheyesya obshchestvo. M.: Kanon-press, 2001.
6. Glaz'yev S.YU., Kara-Murza S.G., Batchikov S.A. Belaya kniga. Ekonomicheskiye reformy v Rossii 1991 – 2001 gg. M.: Algoritm, 2002.
7. Kivinen M. Progress i khaos. Sotsiologicheskiy analiz proshlogo i budushchego Rossii. S.Pb.: Akademicheskii prospekt, 2001.

8. Zaslavskaya T.I. Sotsiyetal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya. M.: Delo, 2002.
9. Toshchenko ZH.T. Paradoksal'nyy chelovek. M.: Gardariki, 2001.
10. Belov M.T., Lyubchenko V.S. Vlastnaya elita: protsessy transformatsii rossiyskogo sotsiuma. Rostov n/D, 2002.
11. Kozlovskiy P. Obshchestvo i gosudarstvo: Nezyblemyy dualizm. M.: Respublika, 1998.
12. Kastel's M. Informatsionnaya epokha. Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura. M.: GUVSHE, 2000.
13. Volgin N.A. Skol'ko i kak platiit' rossiyskomu byudzhethniku // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2002. № 4.
14. Kogan L.N. Dukhovnyy potentsial prodvizheniya vchera i segodnya // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1997. № 4.
15. Volkov YU.G., Popov A.V. Problemy formirovaniya ideologiy rynochnogo razvitiya. Rostov n/D, 2000.
16. Kas'yanov V.N., Nechipurenko V.N. Sotsiologiya prava. Rostov n/D, 2002.
17. Zaslavskaya T.I. Krizis institutsional'nykh sistem. M., 1999.
18. Grebeshenko S.F. Kuda i pochemu idet Rossiya? // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1999. № 7.
19. 10 let reform glazami rossiyan. M.: RNISiNP, 2002.
20. Inozemtsev V.L. Predely dogonyayushchego razvitiya. M.: Ekonomika, 2000.
21. Modernizatsiya i globalizatsiya: obrazy Rossii v XXI veke. M.: In-t filosofii RAN, 2002.
22. Lokosov V.V. Transformatsiya sotsiyetal'nykh sistem: opyt reform v sovremennoy Rossii: Avtoref. dis. na soisk. uch. step. d.s.n. M., 2002.
23. Britten S. Kapitalizm s chelovecheskim litsom. SPb., 1998.